

ВОДА И ОГОНЬ В СЛАВЯНСКОЙ СИМВОЛИКЕ СНОВИДЕНИЙ И В СИМВОЛИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ КУЛЬТУРЫ

Александр Викторович Гура

Институт славяноведения РАН
32А Ленинский пр., Москва, Россия
avgura@mail.ru

Аннотация: Анализ устных народных толкований снов и книжных сонников позволяет определить у каждой из двух стихий, огня и воды, свой спектр символических значений, представляющий собой смысловую парадигматическую структуру — предметную область, охваченную определенной символикой. В известном смысле она напоминает то, что в лингвистике называется лексическим гнездом или семантическим полем. Взаимодействие между символикой огня и символикой воды заключается в том, что они отчасти накладываются друг на друга и распределяются перекрестно: сны о воде могут получать огненную символику и наоборот, — и так же перекрещиваются между собой три разновидности этой символики — земная, небесная и человеческая. Например, болото снится к слезам и к солнцу, рыба — к слезам, дождю и горячке, солнце — к дождю, ясной погоде и пожару, огонь, пожар — к дождю и к солнцу. Соотношение водной и огненной символики, их взаимовлияние (в том числе во взаимодействии с символикой холодного / горячего) вплоть до объединения, смешения и нейтрализации широко представлено в языке и культуре — в фольклорных текстах, ритуально-магических действиях и верованиях, в авторской поэзии, литературе, изобразительном искусстве, в практике психоанализа. Механизмы такого символического соотнесения и взаимодействия постоянно воспроизводятся и в наше время. Все это позволяет выявить универсальные культурные смыслы и понять особенности устройства символического языка культуры.

Ключевые слова: снотолкования, вода, огонь, парадигмы символов, семантическое поле, символический язык культуры.

Для ссылки: Гура А. Вода и огонь в славянской символике сновидений и в символическом языке культуры // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 25–61.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-25-61

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/gura.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2023, NO. 56

WATER AND FIRE IN THE SLAVONIC SYMBOLISM OF DREAMS AND THE SYMBOLIC LANGUAGE OF CULTURE

Aleksandr Gura

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32A Leninskiy Av., Moscow, Russia
avgura@mail.ru

Abstract: The analysis of oral folk interpretations of dreams and dream books lets us determine the range of symbolic meanings for each of the two elements—fire and water. This range represents a semantic paradigmatic structure—an area with a certain symbolism. In a certain sense it resembles what is called a lexical nest or a semantic field in linguistics. The interaction between the symbolism of fire and the symbolism of water is in their partial imposing on each other and is distributed crosswise: dreams about water can get fiery symbolism and vice versa, the three varieties of earthly, heavenly and human symbolism. For example, swamp may be dreamt of to tears and sunny weather; fish to tears, rain and fever; the sun to rain, clear weather and fire; flames and fire to rain and sunny weather. The balance of water and fire symbolism, their mutual influence (its interaction with the symbolism of cold/hot) up to their unification, mixture, and neutralization is widely represented in a language and culture—in folklore texts, ritual and magical actions and beliefs, in an author’s poetry, literature, fine arts and psychoanalysis. The mechanisms of such symbolic correlation and interaction are constantly reproduced. All this makes it possible to reveal universal cultural senses and highlight the peculiarities of the structure of the symbolic language of culture.

Keywords: dream interpretations, water, fire, symbol paradigms, semantic field, symbolic language of culture.

To cite: Gura A., ‘Voda i ogon’ v slavyanskoj simbolike snovidenij i v simbolicheskom yazyke kul’tury’ [Water and Fire in the Slavonic Symbolism of Dreams and the Symbolic Language of Culture], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 56, pp. 25–61.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-25-61

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/gura.pdf>

Александр Гура

Вода и огонь в славянской символике сновидений и в символическом языке культуры

Анализ устных народных толкований снов и книжных сонников позволяет определить у каждой из двух стихий, огня и воды, свой спектр символических значений, представляющий собой смысловую парадигматическую структуру — предметную область, охваченную определенной символикой. В известном смысле она напоминает то, что в лингвистике называется лексическим гнездом или семантическим полем. Взаимодействие между символикой огня и символикой воды заключается в том, что они отчасти накладываются друг на друга и распределяются перекрестно: сны о воде могут получать огненную символику и наоборот, — и так же перекрещиваются между собой три разновидности этой символики — земная, небесная и человеческая. Например, болото снится к слезам и к солнцу, рыба — к слезам, дождю и горячке, солнце — к дождю, ясной погоде и пожару, огонь, пожар — к дождю и к солнцу. Соотношение водной и огненной символики, их взаимовлияние (в том числе во взаимодействии с символикой холодного / горячего) вплоть до объединения, смешения и нейтрализации широко представлено в языке и культуре — в фольклорных текстах, ритуально-магических действиях и верованиях, в авторской поэзии, литературе, изобразительном искусстве, в практике психоанализа. Механизмы такого символического соотношения и взаимодействия постоянно воспроизводятся и в наше время. Все это позволяет выявить универсальные культурные смыслы и понять особенности устройства символического языка культуры.

Ключевые слова: снотолкования, вода, огонь, парадигмы символов, семантическое поле, символический язык культуры.

В снотолкованиях как жанре фольклора символические отношения представлены в наиболее «чистом» виде, прямо приравниваемом одно понятие к другому, из которых первое выступает в этом роде текстов в роли сновидения и является означающим, а второе — в роли прогноза и является означаемым, раскрывает смысл первого. При этом, конечно, нужно учитывать правила и ограничения, которые сам жанр накладывает на эти отношения (например, адресатность и сезонная обусловленность отдельных толкований, антонимическая интерпретация некоторых образов, объясняющая увиденное во сне «наоборот»), но в целом действие этих жанровых механизмов незначительно.

Жанр снотолкований обладает богатым символическим содержанием, обращаясь к которому, мы можем в рамках нашей темы поставить перед собой несколько исследовательских задач. Во-первых, выявить спектр символических значений отдельно воды и огня в снотолковательных формулах, выяснить взаимоотношение двух этих символических комплексов, их внутреннюю структуру (членение символики на отдельные виды, или

Александр Викторович Гура
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
avgura@mail.ru

ипостаси, в зависимости от сферы ее приложения — земной, небесной и человеческой), особенности взаимного распределения в них символики воды и огня и вычленения общей для них зоны символических значений. Во-вторых, ориентируясь на методологию семантических исследований, разработанных в лингвистике, и опираясь на твердую лингвистическую основу в целом, попытаться показать, как одни символические комплексы (своего рода семантические поля) пересекаются и взаимодействуют с другими, как каждая такая парадигматическая структура по-разному структурирует одни и те же символы, входящие в зону наложения этих пересекающихся символических парадигм, и влияет на их значение. И наконец, проверить соответствие результатов, полученных на основе анализа одного малого фольклорного жанра, данным традиционной народной культуры (поверьям, запретам, ритуально-магическим действиям и т.п.) и оценить применимость их к другим формам культуры (в частности, к поэзии, литературе, изобразительному искусству) с целью обнаружения неких универсальных моделей символизации.

Огонь и вода как основные природные стихии отражены в снотолкованиях в трех своих ипостасях: земной (или отвлеченно-обобщенной), небесной и человеческой. В каждой из них есть свои доминанты и второстепенные, вторичные образы. Они могут выступать самостоятельно или в сочетании с определенными действиями (мыться, плакать, ковать, топить печь, зажигать спички) или признаками (мутная вода, тихая река, дохлая или белая рыба), как локусы (болото, колодец), как свойства этих стихий (мокрый, сухой, красный, тусклый), как носители этих свойств (огурец, пьяный, солома), метонимически или метафорически — как характерные (в том числе символические) представители этих стихий (лягушка, рыба, рыбацкие сети, водка, свеча, угли, дым, петух, война) и т.д. (табл. 1).

К земным ипостасям воды относится вода как таковая, а также река, водоемы и емкости для воды (болото, источник, колодец, бочка, ведро), животные, связанные с водой как местом обитания (рыба, лягушка, чайка, змея), предметы (рыбацкая сеть) и водянистые плоды (огурец). Часто вода в снотолкованиях дополняется противоположными атрибутивными признаками (чистая и мутная), которые определяют оценочную — позитивную или негативную — семантику прогноза (аналогично огонь тоже иногда выступает в снотолкованиях амбивалентно — как яркий и тусклый).

В толкованиях снов вода как таковая или земная символически лишь изредка соотносится с той же земной, чаще — с водой небесной и человеческой. Так, «мыться во сне, мыть голову,

Таблица 1

Соотношение в слоголечениях символики воды (В) и огня (О) в их трех ипостасях (з, н, ч)
Подчеркнуты книжные слоголечения

	Ознч — огонь						
	Вз	Вн	Вч	Оз	Он	Оч	
ПРО- ГНОЗ С О Н							
1	2	3	4	5	6	7	
Вз	Мыться — мыть, убираться в хозяй- стве.	Вода — дождь. Рыба — дождь / снег. Чайка, Змея — дождь, нена- стье. Бочку делать — дождь. Рыбацкие сети — дождь.	Вода — слезы; пьяный. Пить воду — слезы. Река, Боло- то — слезы. Плавать — опьянение. Мокрые воло- сы — слезы. Рыба — слезы; моча (энурез). Лягушка — пьяный.	Вода грязная — пожар (япон.). <u>Источник</u> . <u>колодец</u> — пожар . <u>Разлив реки</u> — пожар (крым.- татар.)	Болото, Тихая река — солнце , ясная погода . Огурцы — засуха . Рыба — мороз .	Ведро воды — жажда. Вода чистая — радость ; Вода мутная — ссора . Река — кровь . Рыба — стыд ; злость ; ссора . <u>Рыба</u> — ссора . Рыба дохлая — горячка . <u>Щука</u> , <u>Водобоязнь</u> — горячка . <u>Горячая вода</u> — радость .	
Вн			Дождь, Град — слезы. Дождь — слезы. «Серебряный дождь» — слезы.	Дождь — война (Ср. Азия)		Снег — радость . Дождь, Снег — ссора .	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Вч	Пьяный — упасть в воду; наво- днение.	Слезы — дождь. Слезы — дождь. Пьяный — дождь.	Ракья — слезы. Водка — вод- ка; пьяный. Вино — слезы. Вино — слезы (кит.).			Слезы — радость. Водка, Пьяница — ссора. Ракья — гнев, злость. Пиво — горячка; ссора.
Оз		Огонь, Пожар — дождь, ненастье. Война — дождь. Войско — дождь/снег. Дым — дождь.	Огонь — пьянство. Угли — похмелье. Кузнец — слезы. Красное: ягоды, вишни — слезы.	Огонь — пожар. Огонь, пожар — пригорание. Войско — пожар. Война — пожар. Спички зажигать — пожар. Огонь, дым — пожар.	Огонь, пожар — ясная погода, солнце; жара; мороз. Пожар — ясная погода, солнце; мороз.	Огонь, пожар, Дым, Красное — стыд. Огонь, пожар, Угли, Войско — ссора. Огонь, дым, Топить печь, Пожар — ссора. Ковка — ссора (крым.-татар.). Огонь — гнев; злость. Война — ссора; гнев. Пожар, Ковка, Свечи и др. светильники — ссора; гнев. Огонь, Пожар, Дым — свадьба. Красное: рыжий конь — горячка; свадьба. Кузница — свадьба. Красное: ягоды — горячка. Огонь — мучение. Спички — мучения. Огонь (гореть) — горячка; гнев. Красное — любовь. Огонь, сто- реть — любовь. Огонь — радость. Огонь — радость, любовь. Свеча в фонаре, Пожарная команда — радость.

1	2	3	4	5	6	7
Он		Солнце, ясная погода — дождь. Луна <u>красная</u> — <u>ненастье</u> .	Сухое: Сено, Солома — слезы.	Солнце — огонь; пожар. Молния — пожар. Сухое: ягоды — пожар. Сухое: солома — огонь. Петух — пожар. Небо красное — война.	Солнце, Заря, Зарево, Молния, Петух — ясная погода. <u>Испарение, высы-</u> <u>хание воды</u> — ясная погода.	Сухое: Сено, Солома — ссора. Сухое: Сено, Солома, Дерево, Дрова — сухота. Солнце — любовь. Солнце, ясная погода — радость. Солнце, много солнц — <u>радость</u> . <u>Солнце, Молния</u> — ссора; <u>гнев</u> . <u>Ясная погода, Огонь на небе,</u> <u>Луна красная</u> — ссора. <u>Ясная погода</u> — мороз.
Оч			Радость — слезы.	Разул, Ссора — пожар.		Стыд, Кровь — радость. Стыд — свадьба. Свадьба — ссора. <u>Свадьба</u> — ссора. <u>Горячка</u> — ссора. Ссора — радость.

руки, ноги — будешь все мыть, чистить в хозяйстве» (Ровенская обл., Сварицевичи, ПА, зап. И.А. Мямикеевой); «Рыбы означают близкий дождь» (кашубы [Sychta 1972: 33]); «Чорна риба: шчука, воюнэ [вьюны] — на дóшч, на снiг сныця бiла риба: плотьця, языки (вьязь по-рускому)» (Волинская обл., Речица, зап. автора); «Змея — ненастье» (Сербия, юж. Шумадия, Краина [Мијатовић 1903: 120]). В русском печатном соннике: «Рыболовные сети — дождь, или скорая перемена погоды» [Мильчевский 1869: 51]. Изготовление бочки для воды и прочих жидкостей фигурирует в белорусском снотолковании: «Набивать обручи — дождь будет» (Минская губ., Минский, Борисовский, Бобруйский у. [Ляцкий 1898: 144]). В Харьковской губ. сон о ловле рыбы или о *рибалках*, т.е. чайках, особенно умерших, предвещает дождь (Харьковский у. [Манжура 1894: 192]). К представителям земной воды в снотолкованиях неслучайно отнесены огурцы. Связь их с водой демонстрирует русская загадка об огурце: «Полно корыто / Людей (вар.: Народу, Рубах, Белья) намыто» (Ярославская губ. [Садовников 1901: 76]). То же подтверждают объяснения сна об огурцах в книжной снотолковательной традиции: «Огурцы нарезанные к добру для больных, потому что они оттягивают воду» [Артемидор 1999: 101–102]; «Огурцы, резанные, виденные во сне, для больного хороши, ради истекающего из них сока» [Всеобщее снов толкование 1990: 80]. Случаи корреляции земной воды с земной и небесной встречаются не только в снотолкованиях, например в обычае поливать водой рыбака при проводах на рыбную ловлю ради богатого улова у белорусов Гродненской губ. или литья ее перед ним или вслед нему у болгар Причерноморья [Znamerowska-Prüfferowa 1947: 17; Риболовт 1985: 62, 107]; в чешском обычае бросать рыбы кости от рождественского ужина в колодец, чтобы он не пересыхал [Vánoce 1892: 403]; в ритуальном убийении или вывешивании лягушки или змеи для вызывания дождя [Гура 1997: 483–484, 290] и т.д.

Воду небесную воплощает дождь (или снег зимой). Снотолкования соотносят дождь с представителями земной воды (рыбой, чайкой, змеей, бочкой, рыбацкой сетью) и воды человеческой (слезами и пьяным), а также с некоторыми ипостасями огня. Широко распространено у славян представление, что дождь снится к плачу, слезам (Краснодарский кр., Северская, зап. В.А. Потаповой; ПА; [Moszyński 1928: 152]; Покутье [Kolberg 1963, XXXI: 158]; Польша [Niebrzegowska 1996: 156–157]; Быдгощское воев. [Strawińska 1981: 39]; юго-вост. Болгария, община Тунджа, Маломир [Куманова 1940: 158]; Македония, Скопска Котлина [Филиповић 1939: 496]). И наоборот: «Если снится ночью, что плачешь, то утром бывает дождь» (Польша, Пшемсльское воев., Нелепковице [Niebrzegowska 1996: 198]); «Если

слезы [снятса] — то будет дождь» (Люблинское воев., Понятова [Niebrzegowska 1996: 183]). В книжной традиции: «Серебряный дождь — слезы» (Санкт-Петербург, 1862 г. [СЭЛС 1991: 77]); «Слезы — во время засухи дождь» (Ченстохова [Nowy sennik 1898: 28]). Дождь как небесная вода соотносится с водой земной не только в снотолкованиях. Одним из примеров тому могут служить старинные гравюры с изображением дождя из представителей земной воды — рыб и лягушек.

В качестве воды человеческой выступают слезы, моча, слюна и сопля, а также, как это ни удивительно, водка (и соответственно пьянство и пьяница) и подобные ей пьянящие напитки — вино и пиво. Возможно, отчасти это касается и других напитков, не только алкогольных, например коровьего молока. Во всяком случае в жанре снотолкований оно может вступать в символические отношения сходным образом: «Корову доить — слезы, плакать будешь» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 68]). Ср. поверье у чехов, словаков и болгар: чем больше невеста плачет на свадьбе, тем больше коровы будут давать молока [Гура 2012: 736].

Слезы в снотолкованиях символически соотносятся с другими ипостасями человеческой воды (ракией, вином), с водой земной (водой вообще, чаще мутной, рекой, болотом и рыбой), с водой небесной (дождем и градом), а также с рядом явлений огненной стихии. Так, «если снится ночью, что плачешь, то утром бывает дождь» (Пшемьсльское воев., Нелепковице [Niebrzegowska 1996: 198]); «Если [снятса] слезы — то будет дождь» (Люблинское воев., Понятова [Niebrzegowska 1996: 183]). Ср. в польском соннике: «Слезы — во время засухи дождь» (Ченстохова [Nowy sennik 1898: 28]). «Пить воду — плакать будешь» (Минская губ., Минский, Борисовский, Бобруйский у. [Ляцкий 1898: 144]); «Волосы мокрые, мокрые или же темные, это к печали, к слезам» (Польша, Сувалки [Niebrzegowska 1996: 219]); «Вода — к слезам и печали» (Сербия, Воеводина, Фрушка Гора [Шкарић 1939: 137]); «Вода грязная и мутная — несчастье и слезы» (Ярославская губ. [Балов 1891: 210]); «Вода, особенно грязная, — к плачу» (кашубы [Sychta 1972: 34]); «Реку, коли вяликую — слезы вяликия тебе будуць. <...> А коли малую реку убачиш — малыя й слезы» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 57]); «Рыба — к неприятности и к слезам» (Ярославская губ. [Балов 1891: 211]); «Рыбы — слезы, плач» (Польша, Остроленское, Познанское воев. [Niebrzegowska 1996: 205]); «Болото убачиш — плакать будешь» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 56]). Аналогично в других жанрах и формах культуры: украинская легенда из Харьковской губ. объясняет происхождение болот на земле из слез Сатаны [ВЭСЛ 2019: 376]; слезы уподобляются «живой» воде в русских сказках, превращаются в реку

в плачах; слезы символически соотносятся с дождем в полесских названиях грибного дождя *удавинные слёзы, сироты плачут* и др., в примете о том, что дождь во время свадьбы предсказывает слезы в замужестве, в троичном обычае «плакать на цветы», чтобы уберечься от засухи, и т.д. [Толстая 2012: 43–45].

Моча фигурирует в полесских толкованиях снов о рыбе, которая предвещает энурез (Вз → Вч): «Рыба — “усцишься”» (Черниговская обл. и р-н, Плехов, ПА, зап. З. Симончук); «Рыбу увидзець — чоловик помочицца ў ночі» (Гомельская обл., Дяковичи, ПА, зап. А.Б. Мороза). Символическую связь мочи с водой можно видеть в запрете беременной в Витебской Белоруссии мыться водой, стекающей с крыши во время дождя, и прятаться от дождя под навес, иначе ее ребенок будет мочиться под себя и постоянно будет сопливым (Минская губ., Борисовский у., совр. Ушачский р-н, Путилковичи и окрестн. [Weregńo 1896: 118]).

Что касается водки как воды человеческой, то у поляков она, увиденная во сне, и предсказывает водку (Бяльскоподляское воев., Улян Майорат [Niebrzegowska 1996: 197]) и опьянение наяву (Лешненское воев., Домахово [Niebrzegowska 1996: 221]). У болгар ракия, а у хорватов Далмации белое вино во сне символизируют слезы: «Ракия — означает слезы» (Софийская обл., р-н Пирдопа, Радославово (Чавдар) [Маркова 1942: Л. 209]); «Пить во сне ракию — не к добру, вызовешь слезы у кого-нибудь» (Пловдивский окр., Карловский р-н, Мраченик [Стаменова, Колева 1974: Л. 61]); «Белое вино — будешь плакать и горевать» (Далмация, о. Хвар, Брач и др. [Царич 1897: 716]). Ср. вино как символ слез в польской свадебной песне, в которой мать невесты разгадывает сон, приснившийся своей дочери: «“Matko moja rodzona, dziwny sen dziś miałam, wyleciały siwe gołębie, czarny jedwab rozrzuciły, beczkę wina wytoczyły, co ten sen ma znaczyć?” Matka mówi: “Siwe gołębie, to szaty twoje, czarny jedwab, warkocze twoje, a beczka wina, to łzy”» [«Мать моя родная, странный сон я сегодня видела, вылетели сизые голуби, черный шелк раскидали, бочку вина выкатили, что этот сон значит?» Мать говорит: «Сизые голуби — это наряды твои, черный шелк — косы твои, а бочка вина — слезы»] (Серадзское воев. [Piątkowska 1898: 410]). У словенцев пьяница снится к наводнению, а у русских — к дождю и падению в воду: «Пьяница — к наводнению» (центр. Словения, р-н Лашко, Сливно [Möddendorfer 1946: 24]); «Пьяного видиш — к дождю» (Карелия, Кондопожский р-н, Гангозеро, зап. Л.В. Зубовой); «Пьяного видеть — упасть в грязь или в воду» (Ярославская губ., Пашехонский у. [Дерунов 1898: 150]; Ярославский у. [Русские крестьяне 2006: 420]). Сербы Шумадии и белорусы Минской губ. плавание в воде толкуют как предстоящее опьянение: «Бродить

и плыть по воде — можно легко напиться, опьянеть» (жж. Шумадия, Левач [Мијатовић 1903: 121]); «Плавать во сне — пьяны будеш» (Минский, Борисовский, Бобруйский у. [Ляцкий 1898: 144]). Сон у русских о купающихся, а у белорусов о лягушке означает пьяных, которых предстоит увидеть наяву: «Купающихся и обнаженных видеть — пьяных увидать» (Ярославская губ., Пошехонский у. [Дерунов 1898: 150]); «Лягушку видеть — пьяных убачиш» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 70]). Помимо снотолкований связь водки и пьянства со стихией воды можно видеть в представлении витебских белорусов о том, что любителям выпить особенно везет в изготовлении счастливых рыболовных сетей, и в обычае белорусов Минской губ. ради богатого улова рыбы есть хлеб, соль и пить водку во время шитья невода — «каб было поўно» [Znamerowska-Prüferowa 1947: 6, 7]. Можно упомянуть в связи с этим также обычай откапывать при засухе тела опойц и бросать в болото, пруд или реку, чтобы вызвать дождь; поверье о том, что на том свете черти возят воду на опойцах [Зеленин 1995: 55–56, 99–102]; а также обычай напиваться на поминках так, «чтоб слеза пошла» [Топорков 2009: 378–379]. Характерны названия водки *водица оржаная*, *водица святая* и названия торговых марок водки «Слеза», «Чистая слеза», «Березовая слеза», «Хлебная слеза», выражение *горло промочить* о выпивании одной-двух рюмок водки и др.

Огонь земной представлен огнем как таковым, свечой и спичками, пожаром, метафорически — войной как пожарищем и войском, углями, дымом, ковкой железа и красным цветом (в разной мере характерным для всех ипостасей огня). Красный цвет представлен в народном соннике красными ягодами, рыжим конем, процессией с красным крестом. Огонь земной образует символические связи с разными проявлениями огня земного, небесного и человеческого: «Пламя в печи — пожар» (Вологодская обл., Вытегорский р-н, Морозово (Угол), зап. автора); Огонь, пожар — «шось прыгорыть» (Брестская обл., Малоритский р-н, Олтуш, зап. автора); «Пожар — зимой к морозу, летом к жару» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 57]); «Огонь — будет светить солнце» (Польша, Серадзское воев. [Kolberg 1967, XLVI: 489]); «Огонь — стыд» (Украина, Печенежин [Schneider 1907: 117]); «Пужарь, пожежа — перед спором» (Харьковская губ. [Манжура 1894: 192]); «Огонь, увиденный во сне, предвещает гнев» (Польша, Подлясье, р-н Лукова [Biegeleisen 1929: 319; Niebrzegowska 1996: 191]); «Як чырвуным конём йдэш — то гарэчка, тымпыратура» (Волынская обл., Ратновский р-н, Речица, зап. автора); «Если горит дом — хорошо, будет свадьба, женится парень или выйдет замуж девушка» (центр. Болгария, Ловечская обл., р-н Тетевена, Леси-

дрен [Маринов 1914: 115]). В книжной традиции: «Пожарная команда — большая радость» (Вена, XX в. [Omar Pascha: 44]); «Война — предвещает гонение, а иногда пожар» (Санкт-Петербург, 1862 г. [СЭЛС 1991: 49]); «Войну видеть — гнев и ссора» (Ченстохова [Nowy sennik 1898: 55]); «Пожар, блистание, <...> кузницу, печь, угли, лампаду, свечи, фонари и все огнем зажженное [видеть] — Вторник: Гнев, или браниться с неприятелем будешь» (Санкт-Петербург [С.А. 1799]). Связанная с огнем и кровопролитием символика войны и войска в снотолкованиях подтверждается красным цветом в приметах о войне: ее возвещают красные столпы по обе стороны восходящего солнца у поляков Мазовша, огненно-красный закат — у нижних лужичан, красное солнце или красный дождь — у болгар, обилие белок в лесах — у поляков восточной Польши, красный цвет бараньей лопатки в гаданиях с ней — согласно древнерусскому «Лопаточнику» XVI в. [Гура 1995: 407]. В красной гамме выдержаны многие изображения войны.

Небесный огонь — это солнце и другие небесные светила, молния, заря, зарево на небе, ясная, солнечная погода, все сухое, иссушенное солнцем (сено, солома и т.п.), петух как носитель солнечной символика и огненной вообще (в том числе земной — как символ пожара), а также мороз. Например: «Солнце — предвещает огонь» (Польша, совр. Келецкое воев., р-н Пиньчова [Siarkowski 1885: 45]); «Если снится солнце — на следующую ночь что-то сгорит, будет пожар» (Пруссия, провинция Позен, Рогазен, совр. Великопольша, Оборницкий пов., Рогозьно [HDA 1936/1937: 49]); «Естли во сне <...> молнию [видеть], — пожар» (Воронежская губ., Бобровский у., Ясырок [Патрицкий 1855: Л. 11об.]); «Зарю бачить — к погоди» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 56]); «Солнце — к радости» (Опольское воев., Хрусьцин, Великопольша [Niebrzegowska 1996: 208]); «[Сон] о соломе — к огню» (Катовицкое воев., Котулин [Niebrzegowska 1996: 207]); «Сино — сухота, будэ сухотиты» (Ровенская обл., Озерск, зап. автора); «Сино, солома — сварка [ссора]» (Волынская обл., Речица, Мельники Речицкие, зап. автора); «Півэнь чырвоный — на пожар» (Пески Речицкие, зап. автора); «Як ў сні блыскае — на погоду» (Речица, зап. автора). Солнечная символика петуха проявляется в болгарских приметах о повороте зимы к лету, в которых солнце уподобляется петуху. Крик петуха возвещает восход солнца. В македонской легенде петух своим пением заставляет Солнце выйти из моря, куда оно погрузилось навеки, обидевшись, что ему отказали в невесте. Связи петуха с молнией можно видеть в болгарском и сербском обычае приносить петуха в жертву св. Илье [Гура, Узенева 2009: 29–30]. Молния в народных представлениях, загадках и заговорах воспринимается как божий

огонь и как огневая стрела [Садовников 1901: 209; Белова 2004: 280]. Зависимость небесного огня от земного проявляется в запретах разводиться огонь во время грозы у кашубов, чтобы огонь не «привлек огонь с неба», одалживать огонь на Рождество, чтобы солнце не сожгло растений, и т.д. [Белова, Узенева 2004: 515]. Что касается мороза, то он включен в парадигму небесного огня как зимний аналог летней жары, ср.: огонь или пожар во сне предвещают солнце (пол.), ясную, солнечную погоду (рус., бел., укр.-полес., пол.), прибывающий день весной (бел. мин.), жару летом, а зимой мороз (рус., бел., укр.), например: «Як у пэчы горыць, пожар пólумнем — то вжэ на мороз, а літом на погоду», «Як пожар, шось горыць — то погода. Літом на погоду, а зымою на мороз: стánэ ёсно, погода будэ, мороз выльікый будэ, й мороз жáрытымэ й сонцэ світыты» (Волинская обл., Пески Речицкие, зап. автора); «Пожар — мороз, кáуть, зімою; літом — сонцэ будэ жáрыты» (Волинская обл., Мельники Речицкие, зап. автора). Сильный мороз характеризуют такие языковые выражения, как мороз *жжет*, *обжигает*, *жгучим* морозом *опалает* лицо. Мороз может входить и в другие парадигмы, о чем еще будет идти речь.

В человеческой ипостаси огня доминантой можно считать горячку, лихорадку. Горячку в устной снотолковательной традиции символизирует красный цвет: «Чырвонэ ягоды — горячка» (Ровенская обл., Озерск, зап. автора); «Кунь чырвоный — горячка» (Минская губ., Мозырский у., Дорошевичи [Moszyński 1928: 151]). А в книжной традиции горячка символически коррелирует со ссорой, тоже воплощающей собой человеческий огонь, и с огнем земным: «Лихорадка — расстройство, ссора» (Москва [Миллион снов 1878: 59]); «Кто видит во сне, что горит, тот схватит сильную горячку» (Москва [Мильчевский 1869: 10]). В народной медицине заболевания, сопровождающиеся жаром и воспалением, связываются с огнем, о чем говорят сами их названия: рус. *огневица*, *огник*, *огонник*, *летучий огонь*, *горячка*, *палячка*, *изжога*, болг. *огън*, *огница*, серб. *живи огањ*, хорв. *živi oganj*.

Многие виды проявлений человеческого огня, которые формируются символическими отношениями в снотолкованиях, имеют метафорический характер. Они представлены сухотой и жаждой в физиологическом и духовном смысле (сухотой как сухоткой, иссушающей тело, и как любовной тоской; жаждой как результатом обезвоживания и как страстным желанием), кровью и сильными эмоциями в их буйном проявлении, такими как радость, любовь, стыд, гнев и злость, мучения и страдания, а также ссора (распря, спор, перебранка, драка и т.п.), разгул и свадьба.

Некоторые снотолкования с символикой огня в его человеческой ипостаси уже приводились выше. Дополним их еще

другими примерами. Так, символом сухоты может быть сухое дерево: «Дерево сухое — <...> сохнуть будешь; также и бревно: сухота будя» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 71]). Кровь символизирует радость, но иногда и ссору, драку, а радость — небесный и земной огонь и ссору: «Кровь — к радости» (Малопольша, р-н Тарнобжега и Ниско [Wierzychowski 1890: 217]; Новосондецкое, Катовицкое, Познанское, Опольское воев. [Niebrzegowska 1996: 175]); «Кровь [означает] жестокую драку (потасовку)» (Малопольша, р-ны Гдова и Бохни [Niebrzegowska 1996: 175]); «Солнце, ясный день — хорошо, будет радостный, спокойный день» (Брестская обл., Мокраны, зап. автора); «Небо голубое, ясное — это радость и благословение» (Замойское воев., Тарнава [Bartmiński, Bączkowska 1988: 160; Niebrzegowska 1996: 188]); «Браниться во сне — рад будешь» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 61]); в соннике: «Фонарь со свечой иметь», «Свеча, ярко горящая в фонаре, значит радость» (Ченстохова [Nowy sennik 1898: 26, 48]). Символом мучений в устном народном соннике выступает огонь, а в печатном — спички: «Огонь — мучение, болезнь или ссора» (сев.-зап. Босния и Герцеговина, Цазинская Краина [Narodna vjerovanja: 25]); «Спички — большие мучения» (Вена, XX в. [Omar Pascha: 44]).

Огонь во сне предвещает также вора, воровство: «Огонь означает вора» (Польша, Люблинское воев. [Kolberg 1962, XVII: 119]; вост. Польша, Малопольша, Познанское, Еленегурское воев. [Niebrzegowska 1996: 190]); «Огонь — злодей [вор]» (Ровенская обл., Каменное, зап. автора); «Есьлі агонь цьмяный [тусклый] — хто-то уваруе што» (Гомельская обл., Жаховичи, ПА, зап. С.М. Толстой). И наоборот: «Вор — пожар» (Малопольша, р-ны Гдова и Бохни [Niebrzegowska 1996: 228]). Огонь связан с воровством также в обычных поверьях украинцев: если кто-то украдет что-то на пожаре, то будет отомщен за это — пожар случится у того, кто украл (Житомирская губ., совр. Винницкая обл., Погребище [Кравченко 1925: Л. 132]).

Огненная сущность любви проявляется в толкованиях снов о солнце, горящем огне и красном цвете: «Солнце — полюбил кто-то» (Ровенская обл., Сварицевичи, ПА, зап. И.А. Мямикевой); «Красный цвет — любовь» (Замойское воев., Тарнава [Niebrzegowska 1996: 155]); в книжных сонниках: «Огонь, ярко пылающий, — радость, молодым безумная любовь» (Варшава [Nowy sennik 1895: 30]); «Сожженным быть — большая любовь» (Ченстохова [Nowy sennik 1898: 50]); «Факелы горящие — благополучие или верность от любимой женщины» (Одесса [Новейший полный сонник 1919: 15]). Огненная символика любви ярко выражена в языке, в выражениях *пламенная любовь*, *воспылать* и *гореть любовью*, *сгорать от любви*, а также *сохнуть от любви*. В любовной магии нередко использовалась кровь.

Так, в Далмации девушка добавляла в питье парню три капли своей крови, чтобы он ее страстно полюбил. У русских с огнем связана присушка, например девушка вмазывала в чело печи волосок, взятый у парня, чтобы он сох от любви (Владимирская губ., Вязниковский у.). Для любовных заговоров типичны формулы уподобления любви огню («Как в печи дрова шибко, пышно сохнут и горят, так бы и у раба божьего (имя) сердце горело и сохло, кровь горячая ключом бы кипела обо мне рабе божьей (имя)» [ЗЭМ]) и характерны мотивы чудесной кузницы и кузнецов [Топорков 2004: 154, 156, 157]. Символическая связь любви с огнем и кровью характерна и для классической авторской поэзии. Ср. пушкинское: «В крови горит огонь желанья» (1825). Или блоковское: «Да, так любить, как любит наша кровь, / Никто из вас давно не любит! / Забыли вы, что в мире есть любовь, / Которая и жжет, и губит» («Скифы», 1918).

Огненные мотивыковки и кузнеца тесно связаны также с темой брака и свадьбы, одно из названий которой (*˚svarьba*) — этимологически производное от *˚svariti* ‘сковывать что-либо горячим’. В снотолкованиях огонь и его ипостаси (в частности, ссора) символизируют свадьбу и наоборот: «Яркий огонь означает свадьбу» (Ниж. Лужица, Феров [Müller 1921: 158]); «Если снится огонь и при этом видно пламя — скоро пригласят на свадьбу» (Лужица, б.м. [Veckenstedt 1880: 467]); «Дым або пожар съницься — веселе будзя» (Гроднская губ., Слонимский у. [Federowski 1897: 213]); «Конь рыжий — говорят, что свадьба» [Польша, Пшемьсльское, Тарнобжегское воев. [Niebrzegowska 1996: 173]); «На свадьбе себя увидишь — поругаешься, поссоришься» (Македония, Прилеп [Цепенков 1892: 130]); «Весилля снятся — лайка [ругань]» (Харьковский у. [Манжура 1894: 192]); «Самому венчаться — жонка з мужиком (т.е. мужем) повадуются (поссорятся)» (Минская губ., Минский, Борисовский, Бобруйский у. [Ляцкий 1898: 142]); «Свадьба — клопот, будэш з кемь сварытысь» (Ровенская обл., Озерск, зап. автора). В сонниках: «Свадьба — большой скандал» (Волинская обл., Пески Речицкие, рукоп. сонник М.Я. Черной, зап. автора); «Кузницу видеть — свадьба» (Москва [Миллион снов 1878: 51]), «женильба» (крымские татары [Кондараки 1884: 8]). Ссора здесь появляется как символ свадьбы и в то же время несет в себе огненную символику, поскольку в снотолкованиях огонь и различные его ипостаси (войско, солома,ковка) символически взаимно соотносятся со ссорой (подобно тому, как они взаимно соотносятся со свадьбой). Например: «Огонь — ссора» (Польша, Сувалкское, Седлецкое, Пшемьсльское, Хелмское, Остроленкское, Новондонецкое воев. [Niebrzegowska 1996: 191]); «Огонь — домашняя ссора» (Хорватия, Самобор [Lang 1914: 205]); «Пожар прысьницьце, то калатня ў хаці» (Гродненская губ., Сокольский у. [Federowski

1897: 214]); «Огонь, пожар — ссоры, краснеть, скандалить» (Краснодарский кр., Северская, зап. В.А. Потаповой); «Ругаться, ссориться с кем-нибудь — пожар будет» (Ровенская обл., Глинное, ПА, зап. И.А. Мямикеевой); «Уголья горячие — сварка будя» (Витебская, Могилевская губ. [Романов 1889: 58]); «Войсковая шеренга — ссора» (Замойское воев. [Niebrzegowska 1996: 221]); «Солома — это ссора» (Бяльскоподляское воев. [Niebrzegowska 1996: 207]); «Железо ковать — бойся ссоры» (крымские татары [Кондараки 1884: 6]). Символика ссоры, наследующая связь с огнем, обязана своим появлением в связке со свадьбой и сковыванием не только их общей огненной символике, но и формальному звуковому сходству обозначаемых ими слов, а именно тому, что *сварба* подверглась вторичному сближению по созвучию с названием ссоры *свара*, а *свадьба* — такому же народно-этимологическому осмыслению в качестве производного от *свадиться* ‘ссориться, браниться’ [Даль 1980, IV: 144–145] (см.: [Гура 2012: 429–430]). Отсюда распространенное толкование свадьбы во сне как предстоящей ссоры.

Снотолкования отражают символические связи стыда с огнем и его символическими воплощениями: «Пожар — к стыду» (Краснодарский кр., Северская, зап. В.А. Потаповой); «Если [снится] дым — то это стыд» (Польша, Замойское воев., Томашовский пов. [Niebrzegowska 1996: 160]); «Что-то красное — это стыд» (Пшемысльское воев., Ярославский пов. [Niebrzegowska 1996: 155]); «Если я испытываю стыд или я где-то голый среди людей — это уж просто огромная радость» (Замойское воев., р-н Билгорая [Niebrzegowska 1996: 222]); «Стыд — хорошо, удовлетворение какое-то, окажешься на какой-нибудь свадьбе» (Остроленское воев., р-н Бараново [Niebrzegowska 1996: 222]). «Огненная» лексика и фразеология используется для характеристики чувства стыда: *вспыхнуть*, *запылать*, *сгорать от стыда*. Ту же коннотацию имеет и *краска* стыда, относящаяся к красному цвету [Малахова 2008: 2–3], который, в частности, служит предвестьем стыда и в снотолкованиях.

В толкованиях снов огонь представлен и как символ гнева, злости: «Огонь — гнев» (Хелмское воев. [Bartmiński, Bączkowska 1988: 161; Niebrzegowska 1996: 190–191]); «Огонь — злость, кто-то злой» (Хелмское, Пшемысльское, Замойское, Тарнобжегское, Лешненское воев. [Niebrzegowska 1996: 190–191]); «Если снится огонь в домашнем очаге — это к злости, к нервам» (Замойское воев. [Niebrzegowska 1996: 191]); в книжных сонниках: «Огонь видеть или в него упасть — значит убыток и большой гнев» (Нюрнберг [Traumbüchlein 1591]; Ченстохова [Nowy sennik 1898: 34]). Огненная природа гнева в снотолкованиях находит соответствие в пословицах: «У огня не бывает прохлады, у гнева — рассудка» [Жукова 2013: 93]; «Гнев человеку кости сушит

и сердце крушит» [Шаповалова 1959: 312]. Ср. огненную символику гнева и крови в «Медном всаднике» Пушкина, поэме, которая на глубинном символическом уровне воплощает собой столкновение стихий воды и огня. В финале Евгений подходит к памятнику Петру: «По сердцу пламень пробежал, / Вскипела кровь. Он мрачен стал / Пред горделивым истуканом / <...> И вдруг стремглав / Бежать пустился. Показалось / Ему, что грозного царя, / Мгновенно гневом возгоря, / Лицо тихонько обращалось...» (Здесь и далее разрядка наша. — А.Г.)

В приведенной выше таблице снотолковательная символика воды и огня в трех их измерениях распределяется перекрестно: сны о воде часто получают огненную символику и наоборот, и так же перекрещиваются между собой три разновидности этой символики — земная, небесная и человеческая. Ср.:

1) **Вз** → **Оз**, **Он**: крым.-татар. «Разлитие реки — пожар или разорение» [Кондараки 1884: 14]; нем. «Колодец, переливающийся через край, — опасность пожара» (Лейпциг [Waldmann 1805: 10]); пол. «Колодец, в котором бьет [wybucha] вода, значит пожар» (Ченстохова [Nowy sennik 1898: 45]); япон. «Течет грязная вода — сгорит [чей-нибудь] дом» (о-ва Мияко [Невский 1978: 97]); великопол. «Болото — солнце» [Niebrzegowska 1996: 145]; и **Оз** → **Вн**: юго-вост.-словен. «Огонь и пожар — плохая погода, ненастье» (Бела Краина [Möderndorfer 1946: 24]); укр. «Войсько — на дощч, на сніг» (Волинская обл., Пески Речицкие, зап. автора);

2) **Вз** → **Оч**: зап.-болг. «Если снится рыба — будешь сердиться, злиться» (Софийская обл., р-н Пирдопа, Радославово [Маркова 1942: Л. 210]) и **Оз** → **Вч**: юго-вост.-пол. «Кузнец — плач» (р-н Тарнобжега и Ниско [Wierzchowski 1890: 217]); бел. «Огонь видеть — пьянство предстоит» (Минский, Борисовский, Бобруйский у. [Ляцкий 1898: 140]);

3) **Вч** → **Оч**: серб. «Ракия — злость, гнев» (юж. Шумадия, Левач [Мијатовић 1903: 120]); рус. «Пиво пить — с кем-нибудь ссориться» (Ярославская губ., Пошехонский у. [Дерунов 1898: 151]) или бел. «фыбра (лихорадка) причёпитца» (Минский, Борисовский, Бобруйский у. [Ляцкий 1898: 146]) и **Оч** → **Вч**: центр.-макед. «Если радуешься во сне — будешь плакать» (Велес [Ецов 1896: 176]);

4) **Он** → **Вн**, **Вч**: великопол. «Солнце — к грозе» (Лешненское воев., Домахово [Niebrzegowska 1996: 208]); укр. «Солома — слёзы» (Ровенская обл., Озерск, зап. автора) и **Вн** → **Оз**, **Оч**: ср.-азиат. мусульмане «Если кто увидит во сне дождь, — в той местности случится война» [Маллицкий 1902: 24]; рус. «Вода, дожди, снега, темные облака, ветры, громы и всякие ненастья —

Козерог. Ссоры, драки (драка) и честь» (Москва [Истолкование снов 1768: Абоб.], Москва [Задек 1807: 13]).

Такой взаимообмен символикой между водой и огнем чем-то напоминает сообщающиеся сосуды. Однако распределение ее неравномерно: не все ячейки таблицы оказываются заполнены, а в тех, что заполнены, число примеров разное. Подробнее это можно видеть в статистической таблице (табл. 2), которая количественно воспроизводит данные таблицы 1. В скобках в ней указано количество снотолкований, относящихся к книжной традиции (число далеко не исчерпывающее, но мы были вынуждены ограничиться определенной выборкой сонников).

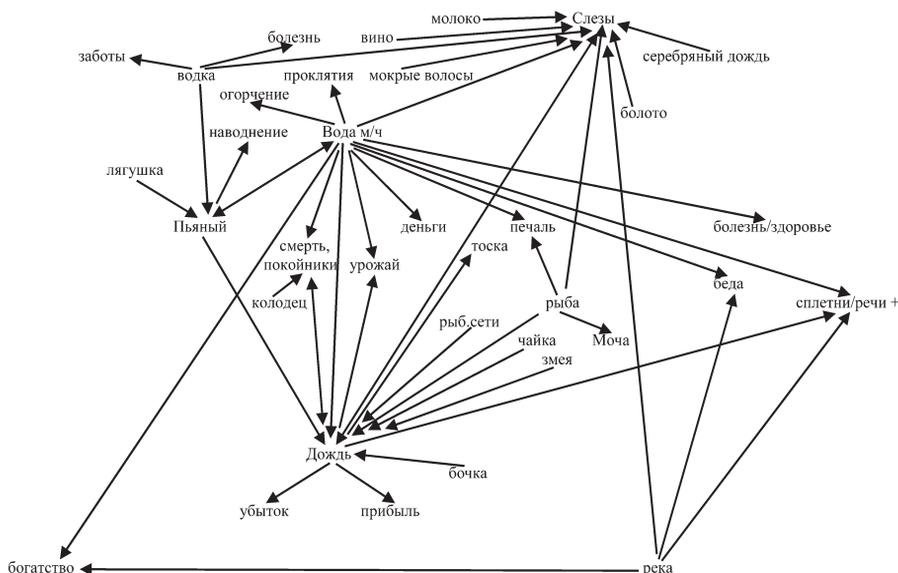
Таблица 2

Статистика инвариантных типов снотолкований с символикой *воды* и **огня** в устной и книжной традициях

ПРОГНОЗ С О Н	Вз	Вн	Вч	Оз	Он	Оч
Вз	1	5 (1)	10	1 (3)	4	8 (4)
Вн	–	–	2 (2)	– (1)	–	1 (2)
Вч	2	2 (1)	4 (1)	–	–	6
Оз	–	5	4	3 (3)	3 (2)	17 (21)
Он	–	1 (1)	2	7	5 (1)	8 (9)
Оч	–	–	1	2	–	5 (2)

Наиболее частотна, как мы видим, водная и огненная символика-прогноз, связанная с человеком (столбцы Вч и Оч), что и понятно, поскольку толкования снов адресованы людям. При этом реалии, относящиеся к человеческой сфере, особенно в огненной ипостаси, подвергаются символизации реже (строки Оч и Вч). То же относится к представителю небесной воды — дождю (строка Вн). Слабо задействована символика земной воды (столбец Вз) в интерпретации образов сновидений, причем объекты огненной сферы вообще не наделяются такой символикой, так же как практически не используется символика земного и небесного огня для интерпретации образов воды небесной и человеческой (строки Вн, Вч — столбцы Оз, Он).

Сравним отдельно символику воды и символику огня в снотолкованиях в виде схемы (ил. 1), где стрелками указано направление символизации от сновидения к прогнозу. Оно может быть обоюдосторонним (например, слезы — к дождю и дождь — к слезам).

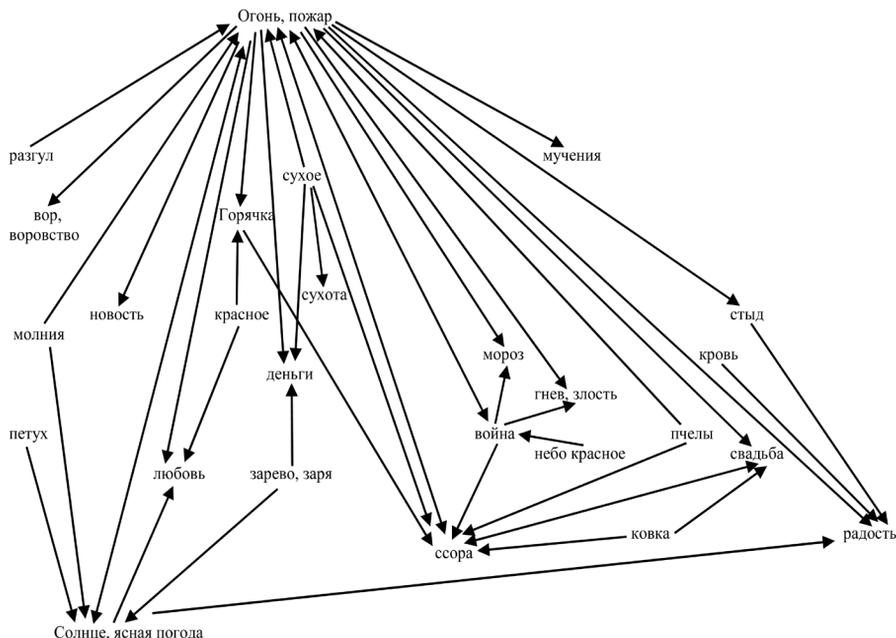

Ил. 1. Символика воды в снотолкованиях

Коррелирующие между собой элементы снотолкований, соединенные стрелками, включают символы (прогнозы), интерпретирующие объекты и явления водной или огненной сферы, которые сами к этой сфере могут и не относиться. Иначе говоря, спектр собственных символических значений у воды и у огня шире, чем в первой таблице, где представлены значения, которые их связывают. Например, в формировании символики сновидений о воде земной, небесной и человеческой участвуют понятия, казалось бы, далекие от водной тематики, такие как урожай, смерть, богатство, прибыль и убыток, а в символике сновидений об огне (ил. 2) присутствуют деньги, заботы, новость.

Подобная модель выявляет смысловую парадигматическую структуру — предметную область, охваченную определенной символикой, в данном случае символикой воды и символикой огня, которые выступают в такой парадигме структурнообразующими и смыслообразующими доминантами. Символические области воды и огня напоминают то, что в лингвистике называется лексическим гнездом или семантическим полем.

При этом существует одна проблема: когда мы сопоставляем две взаимосвязанные символические структуры, такие как вода и огонь, должны ли мы включать в рассмотрение такие образы сновидений, которые в синхронном аспекте не имеют прозрачных мотивированных связей со смысловой доминантой такой структуры, хотя ведут себя при этом аналогично имеющим такую связь, т.е. наделяются сходной с ними символикой, дают

Ил. 2. Символика огня в снотолкованиях

сходный прогноз. Так, пчелы не имеют никакой видимой связи ни с водой, ни с огнем, однако в снотолкованиях получают, наряду с прочей, и такую символику. На схеме показана символика пчел — справа в устной традиции, слева — в книжной (ил. 3).

Курсивом обозначена водная символика пчел, совпадающая у них с символикой воды: слезы, дождь или снег, заботы и огорчения, прибыль (материальная) и богатство. Полу жирным шрифтом выделена огненная символика пчел, которая присутствует и в символике огня: пожар, огонь, вор, ссора, любовь, радость. Признак однородной множественности соотносит пчел со снегом, каплями дождя, слезами, а также со звездами и искрами огня. Со слезами связывается происхождение пчел в белорусской легенде о повстречавшейся Спасителю прекрасной деве, которая сидела на камне посреди моря и роняла слезы, становившиеся пчелами [Шейн 1893: 353], и в сербской легенде о матери, оплакивавшей загубленного, а потом воскресшего сына, слезы которой превратились в пчел [Ђорђевић 1958: 209–210]. Снегу и метели уподобляются пчелы в восточнославянских приметах и загадках. Так, в Воронежской губ. считали, что «если на Новый год перепархивает метель, на весне пчела будет добрая и ройка хорошая» (Бобровский у., Ясырок [Патрицкий 1855: 10]). В загадке из Житомирской обл. пчелы, вьющиеся возле улья, уподобляются метели: «Коло уха

КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ**УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ**

Ил. 3. Символика пчел в устной и книжной традиции толкования снов

завыруха, а в уси ярмалок» (Овручский р-н, Журба, зап. автора). Искры огня символизируют пчел в крещенском гадании: куда полетят искры, оттуда весной прилетят пчелы [Афанасьев 1865: 383–384]. У сербов обилие искр от бадняка предвещает обилие пчел [Ђорђевић 1958: 225]. С огненной символикой пчел связан также восточнославянский обычай на Благовещение, в Вербное воскресенье или на Пасху высекать на пасеке огонь из «громовой стрелки» и зажигать им ладан для окуривания ульев и свечу перед иконой Зосимы и Савватия [Афанасьев 1865: 382]. С огнем пчела связана также через свечу, воск для которой дают эти насекомые. В русских загадках пчела, летящая мимо церкви, в которой горят свечи, загадывается так: «Летит зверек / Через божий домок, / Летит и говорит: / “Вот моя силка горит!”» [Мельц, Митрофанова, Шаповалова 1961: 210]. Кроме того, огненная символика пчел потенциально может быть мотивирована их рыжим цветом.

Огненной символикой наделяется также укусы пчелы, например в снотолковании из Волынской обл. жалящие пчелы предвещают пожар: «Як пчолы кусають — огонь, пожар бутымэ» (Волынская обл., Речица, зап. автора). В поэзии и в художественной литературе немало примеров, связывающих пчел и мед с солнцем, а их укусы — с жгучим огненным и солнечным жаром. Ср. у М. Волошина: «Дети солнечно-рыжего меда / И коричнево-красной земли — / Мы сквозь смерть во плоти проросли, / И с огнем наша схожа природа. / Подымаясь к огню на высоты, / Припадая бессильно к земле, / Неустанно мы строим во мгле / наших тел шестигранные соты. / В них огонь претворяем мы в мед. / И, поднявшись над солнечным краем, / Точно свечи из воска, сгораем... / В улье неба века и века / Мы, как пчелы у чресл Афродиты, / Вьемся, солнечной пылью повиты, / Над огнем золотого цветка» (1910). У О. Мандельштама: «Возьми на радость из моих ладоней / Немного солнца и немного меда, / Как нам велели пчелы Персефоны. / <...> / Возьми ж на радость дикий мой подарок — / Невзрачное сухое ожерелье / Из мертвых пчел, мед превративших в солнце» (1920). В своем философском эссе «Жизнь пчел» (1901) М. Метерлинк пишет о волнующих ощущениях, возникающих при открывании в первый раз улья с пчелами: «Тут же приходит на память нервическое воспоминание об их укулах, производящих ту особенную боль, которую не знаешь, с чем и сравнить; можно бы сказать — жгучую сухость, что-то вроде пламени пустыни, разлившегося в пораженном месте; как будто наши дочери солнца извлекли из раздраженных лучей своего отца воспламеняющийся яд, дабы лучше защищать сокровища сладости, собранные ими в их благодетельные часы». Далее Метерлинк сравнивает улей с «пылающим кустом гнева и героизма» [Метерлинк 1999: 243–244].

Символика пчел тесно связана с символикой меда. Неслучайно медом мотивировано одно из польских толкований сна о пчелах — сладкая жизнь (Лешненское воев., Домахово [Nierbrzegowska 1996: 203]). Символика меда в устных и книжных сонниках тоже определяется огнем. Это видно на схеме, представляющей спектр значений меда в снотолкованиях (слева — книжная традиция, справа — устная). Особо выделены огненные прогнозы: огонь и пожар, ссора («сварка») и сварливость, гнев, любовь и радость (ил. 4).

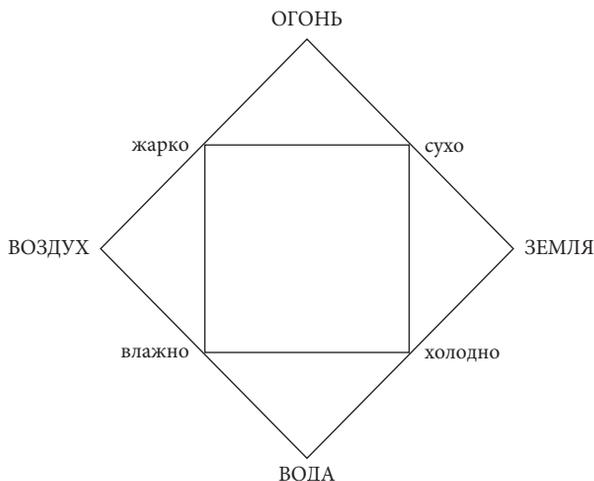
На символическую сферу воды и огня частично накладывается символика холодного и горячего. Еще Аристотель в своем трактате «О возникновении и уничтожении» рассматривал огонь как сочетание жаркого и сухого, а воду — как сочетание влажного и холодного [Аристотель 1981: 420–424] (ил. 5).

КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ**УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ**

Ил. 4. Символика меда в устной и книжной традиции толкования снов

Покажем в виде таблицы, как соотносится между собой в снотолкованиях символика холодного и горячего в разных ипостасях — земной, небесной и человеческой (табл. 3).

Это соотношение проще (не все ячейки заполнены), но оно тоже может быть перекрестным — горячее снится к холодному и наоборот: пожар — к морозу, а мороз — к потеплению, война — к метели или простуде, войско — к морозу или к кашлю, топить печь — к ознобу, жарить на огне — к простуде костей. Совмещение символики, относящейся к воде и огню и к холодному / горячему, встречается не только в снотолкованиях, но и, к примеру, в народной медицине, где рыба как водяное существо с холодной кровью использовалась для лечения горячки как способная ее загасить (как огонь водой) или остудить (как жар холодом): больного горячкой окуривали рыбьими костями с рождественского стола (у украинцев Восточной Галиции, р-н Скалата [Udziela 1905: 398]), прикладывали к ступням ног половинки лinya (у серадзских поляков [Kolberg 1967, XLVI: 469]).

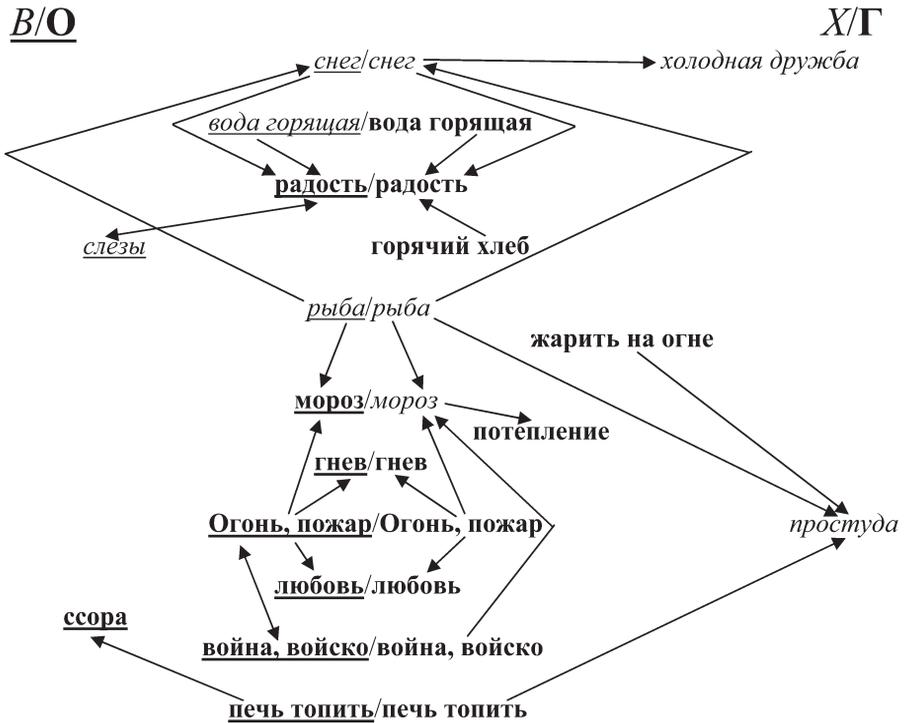
Ил. 5. По Аристотелю, каждый элемент (стихия) представляет собой сочетание основных качеств — тепла, холода, влажности и сухости.
Огонь = жарко + сухо; вода = холодно + влажно

Таблица 3

Соотношение в снотолкованиях символики холодного и горячего
в их трех ипостасях (з, н, ч)

*Хз*ч — *холодное* **Гз**чч — **горячее** Подчеркнуты книжные снотолкования

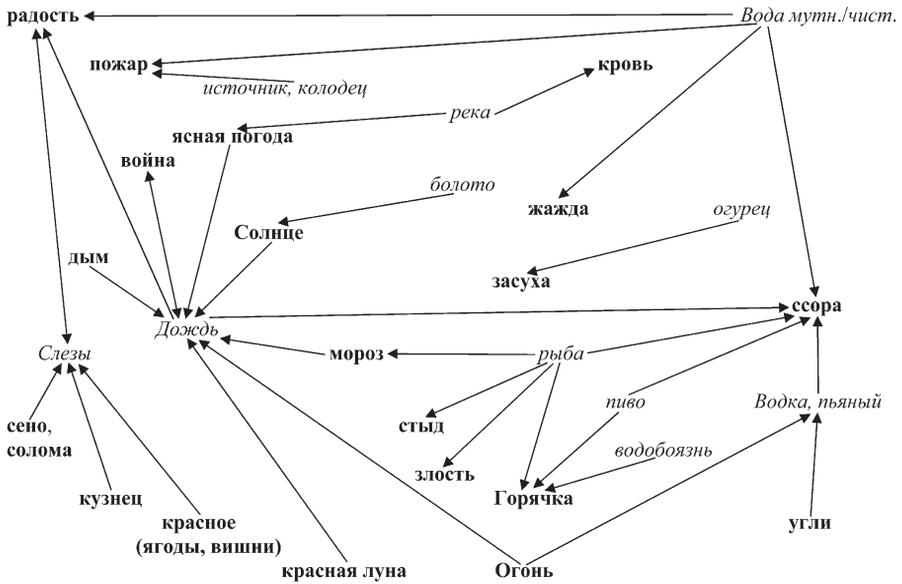
ПРО- ГНОЗ С О Н	<i>Хз</i>	<i>Хн</i>	<i>Хч</i>	Гз	Гн	Гч
<i>Хз</i>		<u>Рыба — снег, мороз.</u>	<i>Рыбу ловить — кашель.</i>			
<i>Хн</i>			<u>Снег — холодная дружба.</u>		Мороз — потепле- ние.	Снег — радость.
<i>Хч</i>						
Гз		Пожар — мороз. Пожар — мороз. Войско — мороз. Война — метель.	Войско — кашель. Война — простуда. Топить — печь — озноб. Жарить на огне — простуда костей.	Огонь, пожар — пригора- ние.		Хлеб горячий — радость. Вода горячая — радость. Упасть в огонь — гнев. Огонь — радость. Огонь — радость, любовь.
Гн						
Гч						

Ил. 6. Пересечение снотолковательной символики *воды / огня* и *холодного / горячего* (зона наложения парадигм воды / огня и холодного / горячего)

Посмотрим, в каких пунктах и в какой мере символика холодного и горячего пересекается с символикой воды и огня. На схеме представлена зона наложения этих парадигм (ил. 6).

На схеме показаны сходные элементы снотолкований, относящиеся к символике воды и огня (в левой половине) и к символике холодного и горячего (в правой половине). Одни образы сновидений входят в обе парадигмы, образуя тем самым зону их пересечения: это, в частности, мороз — как носитель огненной символики и как холод; огонь, пожар — как огонь и как источник жара; снег — как зимний аналог небесной воды и как холодная масса, хлопья застывшей воды; рыба — как обитательница вод и как холоднокровное животное; вода горячая — как вода и как огненная, горячая; печь топить — как поддерживать в ней огонь и как делать это с целью обогрева. Другие входят в обе парадигмы вторично, как прогнозы, которые задаются сновидениями о воде или огне и о холодном или горячем, — в данном случае это эмоции, наделяемые лишь символикой одновременно огня и горячего: гнев, любовь, радость. Третьи входят лишь в одну из парадигм: с одной стороны (в оппозиции вода / огонь), слезы и ссора, а с другой (в оппозиции холодного /

Ил. 7. Снотолковательная символика **огня** и **воды**
(зона наложения двух символических парадигм)

горячего) — холодная дружба, простуда, горячий хлеб, жарить на огне и потепление.

Взаимодействие между символикой воды и символикой огня заключается в том, что в значительной степени две эти области, или парадигмы, накладываются друг на друга. Зону наложения можно наглядно представить схематически (ил. 7).

Эта схема, по сути дела, в ином, более компактном виде представляет то, что было отражено в таблице 1, но без второстепенных деталей и без того, что находится вне общей для воды и огня зоны наложения символики. То есть здесь показаны лишь корреляции огня с водой в любых их ипостасях, но опущены корреляции внутри каждой из двух групп типа «вода — вода» и «огонь — огонь» независимо от их ипостасей. Все водные элементы выделены курсивом, а огненные — полужирным шрифтом. Выделены и символические доминанты: вода, дождь, слезы и водка / пьяный, с одной стороны, и огонь, солнце, горячка — с другой. Стрелки на схеме соединяют лишь элементы с разным выделением, т.е. сны о воде наделяются огненной символикой, а сны об огне — водной.

Соотношение водной и огненной символики, их взаимовлияние (в том числе во взаимодействии с символикой холодного / горячего) вплоть до их объединения, взаимопроникновения, смешения и нейтрализации широко представлены в языке

и культуре. Выражением их на лексическом уровне может быть синонимия водных и огненных наименований крепкого алкоголя: с водой связаны рус. *водка* и пол. *wódka*, архангел., карел. *горькая вода* [Мокиенко, Никитина 2007: 90], ярослав. *веселые капли* [СРНГ, IV: 181], с огнем — рус. *горелка*, иванов., ярослав. *огнёвка* [СРНГ, XXII: 324], бел. *гарэлка*, укр. *gorilka*, пол. *gorzałka*, чеш., словац. *pálenka*, словен. *palinka*, *žganje*, а с водой и огнем одновременно — рус. жаргон. *огненная вода* и шутол. *огонь да вода* [Мокиенко, Никитина 2007: 460]. Наименования *огненных* получают некоторые рыбы, окраска которых вызывает ассоциацию с огнем: центропиг, гурами, барбус, бычок, крылатка, клоун. Слезы, соотносящиеся с водой, часто выступают с «огненными» постоянными эпитетами *горючие*, *жгучие*, *горькие*, подчеркивающими связь слез со страданиями. У сербов известно соответствующее поверье, что слезы по покойному жгут его на том свете [Толстая 2012: 42, 43; СМР: 294; СМР²: 248]. Водная семантика глагола *топить* 'погружать в воду, заставлять тонуть' и огненная (связанная также с горячим, *тёплым*) семантика глагола *топить* 'нагревать, сжигая топливо' этимологически совмещаются в значении *топить* 'нагревая, расплавлять' (особенно по отношению к снегу, льду и с учетом природных последствий этого процесса в виде затопления, паводка) и в значениях *топь* 'растопленное, талое место' и 'болото, топкое место' [ЭСБМ 2010: 214–215; Фасмер 1987: 78–79]. Ср. также стыд, который в снотолкованиях символически соотносится с огнем и прогнозируется снами об огне в украинском Покутье (Печенежин [Schneider 1907: 117]), об огне и пожаре на Кубани (Северская, зап. В.А. Потаповой), о дыме в Замоиском воев. Польши или о чем-то красном — в Пшемьсльском воев. (Дзеронжня [Bartmiński, Wączkowska 1988: 153; Niebrzegowska 1996: 160]; Ярославский пов., Шувско [Niebrzegowska 1996: 155]), а само слово *стыд* (как и *сты(з)нуть*) связано чередованием гласных со *студа*, *стужа*, т.е. семантически — с холодом, стужей, ср. псков. твер. *студа* 'стыд' и архангел., новгород., перм. *студа* 'холод, мороз'; москов., сталинград., том. *стыд*, тамбов., воронеж., пензен., олонец. *стыда*, новгород. *стыжа* 'холод, стужа' и т.п. [СРНГ, XLII: 72, 110, 113]. В русской поэзии в этом отношении можно отметить образ *студеного стыда* у Давида Бурлюка («Свидание», 1924) и *огненного стыда*, вызванного неодолимым чувственным влечением, у Федора Сологуба: «Сладкий, безумный и жгучий, / Пламенный, радостный стыд, / Мститель нетленно-могучий / Горьких обид» («Там, за стеною, холодный туман от реки...», 1904) [Малахова 2008: 2, 4].

В фольклорных текстах вода и огонь объединяются родством, как сестра и брат в загадке «Сестра сильнее брата» [Садовников 1901: 159]. Толкование воды в устном народном соннике как

предвестья беды (мотивуемое рифмой *вода — беда*) распространяется в пословицах и на огонь, объединяя и уравнивая их обоих: «Огонь беда и вода беда, а без огня и воды — и пуще беды» [Даль 1978, I: 152]. Обе стихии совмещаются в образе огненной реки Смородины или Пучай-реки в русских сказках, былинах и заговорах, например в былине «Добрыня и змей»: «Тая река свирипая, / Свирипая река сама сердитая: / Из-за первая же струйки как огонь сечет, / Из-за другой же струйки искра сыплется, / Из-за третьей же струйки дым столбом валит, / Дым столбом валит да сам со пламенью» [Гильфердинг 1949: № 59]. Или в образе огненной реки в духовных стихах: «От востока солнца до западу / Протечет река Сион огненная, / Протечет она, яко гром прогремит. / Тогда ангелы, архангелы приустрашатся, / Херувимы, серафимы приужаснутся, / И вся сила небесная / Вострепещется, восколеблется. / Понесет сия река огненная / Человека многогрешного / По мукам по различным» [Фарберов 2019: 255]; «Уж как текла-текла река огненная, / Уж мимо её шли души грешные: / “Ох, как нам через реку иттить, / Через тоё реку огненную?”» [Бессонов 1863: 172]. В церковной живописи, например на фреске около 1321 г. из сербского монастыря Грачаница (Косово), ангелы низвергают души грешников в такую огненную реку (ил. 1 на цветной вклейке).

Совмещение воды и огня представлено также в библейском образе огненного дождя, которым Господь уничтожил Содом и Гоморру: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» (Быт. 19:24–28). Разные способы визуальной передачи дождя, состоящего из огня, можно видеть на одном из ранних полотен великого А. Дюрера (1471–1528) «Бегство Лота с дочерьми из Содома» (ил. 2 на цветной вклейке) и на картинах не слишком ныне известного английского романтика Джона Мартина (1789–1854), любителя изображать сцены катастроф (ил. 3 на цветной вклейке).

Взаимоотношения воды и огня по-разному раскрываются в традиционных ритуально-магических действиях и поверьях. Например, поливание водой могил утопленников и опойц считалось у русских способным остановить засуху, вызванную жаждой, которую эти заложные покойники утоляли высасыванием воды из земли [Толстая 19996: 275], нарушая тем самым баланс между водой и огнем. Засуху провоцировали также действия и предметы, связанные с огнем, поэтому во время засухи обливали водой или каким-то образом наказывали тех, кто в определенные дни года, нарушая запрет, пек хлеб, жарил, складывал или мазал печь; бросали в воду предметы обжига

(глиняные горшки, кирпичи и т.п.), погружали в воду печную утварь, чтобы вызвать дождь, а для остановки дождя, наоборот, выбрасывали такую утварь из дома наружу [Толстая 1999а: 107–108, 110; Толстая 1999б: 276].

Воздействие на огонь «водой» человеческой вызывает огненную реакцию и наоборот. В огонь запрещалось плевать и мочиться. Согласно русскому поверью, тот, кто плюет в огонь, «усохнет», согласно украинскому — будет лизать раскаленную сковородку на том свете, согласно кашубскому — сторит в огне [Белова, Узенева 2004: 514]. В Подлясье считали, что у того, кто плюнет в огонь, будет жечь язык (Белостокское воев., Вежхлесье, зап. автора). Украинцы верили, что ребенок, играющий с огнем, в ту же ночь «рибки наловить» [Кравченко 1925: Л. 138]. По той же причине в Подлясье запрещали детям играть с огнем и дуть на него: “Nie dmuchaj, bo sie zsikasz, zassysia” [Не дуй, иначе опи-саешься] (Вежхлесье, зап. автора). В Полесье для лечения недержания мочи у ребенка давали целовать ему кочергу, т.е. воздействовали огнем на «воду» человеческую. И наоборот, воздействовали ею же на «огонь» внутри человека: у русских для лечения лихорадки (горячки) использовали мочу больного — варили в ней три яйца, которые затем относили в муравейник [Левкиевская 2004: 309, 310]. Ср. еще «воду» человеческую (сопли) как результат огненного воздействия (пригоревшей в горшке пищи) в поверье из Восточной Польши: если девушка любит выскрести горшки, у нее будет сопливый муж (р-н Хелма, Окшув, зап. автора). Другой род отношений воды и огня, сглаживающий их противопоставление, представлен в украинском обычае из р-на Бердичева: после приготовления ужина ставили на угли в печь горшочек с водой — говорили, что огонь умывается ночью. Верили, что иначе случится пожар, огонь спалит хату. Вода как антипод огня должна, казалось бы, служить оберегом от пожара (и, возможно, изначально так и было), но в данном случае выступает как средство задабривания огня (Бердичевская округа, Погребище [Кравченко 1925: Л. 129–130]). Объединение воды и огня в разных их ипостасях проявляется в названиях грибного дождя, который идет при солнце: *смолен. солнце слезится*, кашуб. *slujnje křěći* ‘солнце плачет’ [Sychna 1972: 84], укр. ровен. *потоплэные люди пэрэсушуюца*, бел. брест. *ангелы купаюца в этом сонцэ* и т.д. [Усачева 1999: 112].

Механизмы символического соотнесения и взаимодействия воды и огня воспроизводятся постоянно и в наше время. Так, в репертуаре текстов современного городского фольклора имеется мистическая легенда, связанная с картинами итальянского художника Бруно Амадио (Джованни Браголина), который написал серию портретов плачущих детей — обитателей сиротского приюта, который сгорел во время войны (ил. 4 на цветной

вклейке). Портреты эти пользовались популярностью, люди охотно покупали копии и репродукции изображений плачущего мальчика, и далее происходило необъяснимое: в домах этих людей возникал пожар, в котором сгорало все, и только портрет плачущего ребенка оставался нетронутым огнем [Загадка и проклятие].

Тема огня и воды представлена в изобразительном искусстве. Например, в ранних картинах Джозефа Уильяма Тёрнера можно видеть простое сочетание этих образов как самостоятельных: извержение Везувия отражается в водах Неаполитанского залива (ил. 5 на цветной вклейке), а пожар Лондонского парламента — в водах Темзы («Пожар в верхней и нижней палате Лондонского парламента», 1834. Художественный музей Филадельфии). В более поздних произведениях художника обе стихии сближаются и взаимодействуют: солнечный свет рассеивается в небесной и морской влаге («Невольничье судно», 1840. Музей изящных искусств, Бостон; «Яхта приближается к берегу», 1840-е, ил. 6 на цветной вклейке).

Еще ярче такое сближение у импрессионистов: у Клода Моне закатное солнце сливается с водой Венецианской лагуны в наступающих сумерках (ил. 7 на цветной вклейке), а солнце и его мерцающее отражение в воде почти растворяются в мареве лондонского тумана («Здание Парламента в Лондоне», 1904). На литографии Поля Синьяка «Парусники» (ил. 8 на цветной вклейке) уже нет границы между солнечным небом и морем, она стирается, противопоставление двух стихий снимается, они полностью растворяются друг в друге.

В художественных текстах авторские возможности творческого использования образов воды и огня расширяются. У Тютчева одухотворенный вечерний морской пейзаж побуждает к философским размышлениям: «Уж солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатила, / И мирный вечера пожар / Волна морская поглотила. / Уж звезды светлые взошли / И тяготеющий над нами / Небесный свод приподняли / Своими влажными глазами» («Летний вечер», 1828). Символами огня здесь выступают солнце, свет звезд и пожар, а символами воды — морская волна и слезы. Пушкин в «Медном всаднике» огненной символикой наделяет саму водную стихию. Весь набор огненной символики использован по отношению к покоренной Петром Неве: гнев, злость, вражда, брань и торжество победы, разбой, воровство и собственно огонь: «Вражду и плен старинный свой / Пусть волны финские забудут / И тщетной злобою не будут / Тревожить вечный сон Петра!»; «Но силой ветра от залива / Перегражденная Нева / Обратно шла, гневна, бурлива, / И затопляла острова»; «Из возмущенной глубины / Вставали волны

там и злились»; «Осада! приступ! злые волны, / Как воры, лезут в окна»; «Так злодей, / С свирепой шайкою своей / В село ворвавшись, ломит, режет, / Крушит и грабит; вопли, скрежет, / Насилье, брань, тревога, вой!..»; «Но, торжеством победы полны, / Еще кипели злобно волны, / Как бы под ними тлел огонь». Напомним, что огнем вскипела кровь у Евгения, когда он оказался у подножия кумира; гневом возгорело лицо Петра, и огнем был преисполнен его гордый конь: «А в сем коне какой огонь! / Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?» Но кроме Невы, Евгения и медного всадника с их огненной символикой, огонь — это еще и божья кара: «Народ / Зрит божий гнев и казни ждет».

Об архетипическом характере символики сновидений о воде и огне говорит, во-первых, сходство снотолкований о них в народной и книжной традиции, а во-вторых, сходство их с интерпретациями снов в практике психоанализа, где сны о пожаре объясняются воспоминанием о ночном энурезе, а плавание во сне — как присущее тем, кто в детстве страдал таким недугом [Фрейд 1913: 214–215; 2003: 284]. В избранном нами семантическом ракурсе сам объект исследования, пусть даже ограниченный рамками одного, причем малого фольклорного жанра, позволяет нам выявить универсальные смыслы, относящиеся к глубоким пластам культуры в целом, и понять особенности устройства символического языка культуры.

Список сокращений

- БСУ — Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски», архив на проф. С. Романски
- ВЭСЛ — Восточнославянские этимологические сказки и легенды
- ЗЭМ — Заговоры из этнографических материалов УдГУ. <<https://chernayamagiya.com/forum/index.php/topic,12972.0.html>>
- ПА — Полесский архив отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, Москва
- СМР, СМР² — Српски митолошки речник
- СРНГ — Словарь русских народных говоров
- СЭЛС — Справочный энциклопедический лексикон сновидений
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы
- HDA — Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens

Источники

- Аристотель*. Сочинения: в 4 т. / Вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанского. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с. (Философское наследие. Т. 83).
- Артемидор*. Сонник / Сост., общ. ред. Р.В. Грищенко. СПб.: Кристалл, 1999. 448 с.

- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865. Т. 1. 808 с. [Репринт:] М.: Индрик, 1994. 800 с.
- Балов А.* Сон и сновидения в народных верованиях. Из этнографических материалов, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 208–213.
- Бессонов П.* Калеки переходные: Сб. стихов. М.: Тип. Лазар. инст. вост. языков, 1863. Вып. 5. 260 с.
- Всеобщее снов толкование (сонник). Из собрания отдела письменных источников ГИМ. М.: Прометей, 1990. 144 с.
- [Гильфердинг] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Отв. ред. А.М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. 736 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Фотомеханическое воспроизведение]. М.: Русский язык. Т. 1. 1978. 699 с.; Т. 4. 1980. 683 с.
- Дерунов С.* Материалы для народного снотолкователя. III. Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151.
- Ецов Т.Г.* Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания. От Велес // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София: Държавна печатница, 1896. Кн. 13. С. 171–176.
- [Задек] Мартына Задека, сто-шестилетнего старика, любопытное предсказание на будущие времена, и истолкование им снов по астрономии, происходящих по течению луны. С присовокуплением фокуса-покуса, или волшебные игры / Собранный И. Глазуновым. М.: Университетская тип., 1807. 39 с.
- Загадка и проклятие «Плачущего мальчика»: почему Амадио называли живописцем дьявола // Культурология.РФ. 2019, 3 сент. <<https://kulturologia.ru/blogs/030919/44051/>>.
- Истолкование снов по астрономии происходящих по течению луны / Пер. с польского А.В. [М.]: Имп. Моск. ун-т, 1768. [32] с.
- Кондараки В.Х.* (сост.). Турско-татарский сонник / Составил В.Х. Кондараки, как дополнение к этнографическому отделу описания Крыма. М.: Тип. В.В. Чичерина, 1884. 19 с.
- [Кравченко В.] Замовляння, народні вірування, родинний побут, повір'я та спостереження, культ діжи. 1925 р. Рукописні фонди Інституту містецезнавства, фольклору та етнографії ім. М.Т. Рильського НАНУ. Ф. 15-3. Од. зб. 156 є. Арк. 124–144.
- Куманова Н.* Етнографско изследване на с. Маломир (Карапчя), Ямболско. 1940. БСУ. Ркс 109.
- Ляцкий Е.* Материалы для народного снотолкователя. II. Минской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 139–149.
- Маллицкий Н.Г.* Мусульманский сонник. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. (Приложение к Ученым запискам Казанского университета за 1901 год. Декабрь). 36 с.
- Манжура И.И.* Малорусские сказки, предания и поверья, записанные в Екатеринославской губ. // Сборник Харьковского Историко-филоло-

гического общества, состоящего при Императорском Харьковском университете. 1894. Т. 6. Труды Педагогического отдела Историко-филологического общества. Вып. 2. С. 161–197.

- Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София: Държавна печатница, 1914. 726 с.
- Маркова Н.П.* Етнографско изследване на с. Радославово, Пирдопско. 1942. Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски», архив на проф. С. Романски. Ркс 263.
- Мельц М.Я., Митрофанова В.В., Шаповалова Г.Г.* (сост.). Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 289 с.
- Метерлинк М.* Разум цветов. Жизнь пчел. СПб.: Амфора, 1999. 504 с.
- M[ujavioviŭ] St. M.* Снови (по народном веровању и тумачењу) из Левча и Темнића // Караџић. 1903. Год. 4. Бр. 2. С. 119–121.
- Миллион снов, выбранных из сочинений знаменитых египетских и индейских мудрецов и астрономов, как-то Алиа, Альбумазара, Иоганна Калиостра Иоганна, Кенигсбергера, Мартына Задеки, Платона, Птолемея и известной французской снагодательницы Г-жи Ленорман, с приложением толкового сонника. 2-е изд. М.: Изд. книгопродавца [А.И.] Манухина, 1878. 141 с.
- Мильчевский О.* Полный новейший снотолкователь, с научным объяснением теории снов, галлюцинации и сомнамбулизма и с словарем сновидений. М.: Тип. Бахметева, 1869. 164 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
- Невский Н.А.* Фольклор островов Мияко. М.: Наука, 1978. 192 с.
- Новейший полный сонник. Одесса: Б. и., 1919. 16 с.
- Патрицкий Н.* Умственные и нравственные способности и образование жителей Бобровского уезда Воронежской губернии. [1855]. Архив Русского географического общества. Разряд IX. Оп. 1. № 73.
- Риболовът в българската традиционна култура. Силистра; Тутракан: Изд-во Съюза на научните работници в България, 1985.
- Романов Е.* Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 54–72.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб.: Навигатор, 2006. 552 с.
- С.А.* Сонник, сказующий матку правду. СПб.: Тип. Губ. правления, 1799. 28 с.
- Садовников Д.* (сост.). Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1901. 295 с.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, СПб., 1965–.
- Справочный энциклопедический лексикон сновидений. Более 3000 объяснений явленного сна. Собирал в течение 66 лет добрый старичок из Утиной улицы. Издал в свет наследник доброго старичка из Утиной

- улицы, по его завещанию. СПб.: Ю. Штрауф, [1862]. 408 с. [Репринт: М.: Книга, 1991. 408+45 с.
- [Стаменова, Колева] Светоглед, народни знания и вярвания (Материали от селата в Карловски район). Събрал Живка Ат. Стаменова, Татяна Анг. Колева. 1974. София: Архив на Институт за етнология и фолклористика с Етнографски музей при БАН. № 880-II.
- Фаберова Л. (сост.). Христов братец. Русские духовные стихи, легенды и сказки. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2019. 518 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
- Филиповић М. Обичаји и верованја у Скопској Котлини // Српски етнографски зборник. 1939. Књ. 54. С. 277–566.
- Царић А.И. Народно вјерованје у Далмацији // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. 1897. God. 9. Knj. 4. С. 703–717.
- Цепенков М.К. Съновидения и тълкуванията им // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. 1892. Кн. 7. С. 129–131.
- Шаповалова Г.Г. Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор: Мат-лы и исслед. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 305–330.
- Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 2. 715 с.
- Шкарић М. Живот и обичаји «Планинаца» под Фрушком Гором // Српски етнографски зборник. 1939. Књ. 54. С. 1–275.
- Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларуская навука, 2010. Т. 13. 351 с.
- Bartmiński J., Bączkowska G. Materiały do sennika ludowego // Etnolingwistyka. Lublin: Uniwersytet M. Curie-Skłodowskiej, 1988. T. 1. S. 147–171.
- Biegeleisen H. U kolebki. Przed ołtarzem. Nad mogiłą. Lwów: Instytut Stauro-pigjański, 1929. 572 s.
- Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1897. T. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. 509 s.
- Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. B.; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1936/1937. Bd. 8. 1762 S.
- Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 1–60. Wrocław; Poznań: Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1961–1985. T. 17: Lubelskie. Cz. 2. 1962. 224 s.; T. 31: Pokucie. Cz. 3. 1963. 344 s.; T. 46: Kaliskie i Sieradzkie. 1967. 588 s.
- Lang M. Samobor. Narodni život i običaji. (Svršetak) // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1914. Knj. 19. Sv. 2. S. 193–320.
- Möderndorfer V. Verovanja, uvere in običaji Slovencev. Celje: Tiskarna Družbe sv. Mohorja, 1946. Knj. 5: Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha. 326 s.
- Moszyński K. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego. Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928. 328 s.

- Müller E. Das Wendentum in der Niederlausitz. 2. Aufl. Cottbus: H. Differts Buchhandlung, Carl Koske, [1921]. 203 S.
- Narodna vjerovanja (BiH): <<https://pdfslide.tips/documents/narodna-vjerovanja-bih.html>>. Praznovjerice, izreke, sanovnik. S. 25: <<https://pdfslide.tips/reader/f/narodna-vjerovanja-bih>>. Idem. <<https://vdocuments.net/narodna-vjerovanja-bih.html>>. <<https://vdocuments.net/reader/full/narodna-vjerovanja-bih>>.
- Nowy sennik do rozweselenia, sny z ich wykładem w alfabetycznym porządku zawierający. Do tego przydana jest: dla rozrywki praktyka Pitagoresa Wielkiego Filozofa. Wyd. nowe. Częstochowa: Druk Kohna i Oderfelda w Częstochowie, 1898. 88 s.
- Nowy sennik ułożony i dopełniony według niezawodnych wskazówek na podstawie długoletnich badań z dodatkiem chiromancyi czyli wróżenia z ręki. Warszawa: Bratman, 1895. 79 s.
- [Omar Pascha] Omar Paschas echtes türkisch-persisches Traumbuch. Enthaltend die ältesten bewahrten Traumdeutungen mit glück- und gewinnbringenden Zahlen für das Lotto nach chaldäischen, persischen und türkischen Handschriften. Ergänzt durch viele Hundert Bilder, Wahrsagekunststücke, Handdeutung, Kartenlegekunst und Spielmethoden für Lotto und Klassenlotterie. Erstmalig gedruckt 1803 bei Arm[br]juster in Pesth. Wien, s.a.
- Piątkowska I. Obyczaje ziemi sieradzkiej. Szkic etnograficzny // Lud. 1898. T. 4. Z. 4. S. 410–435.
- Schnaider J. Lud peczenizyński. Szkic etnograficzny // Lud. 1907. T. 13. Z. 2. S. 98–117.
- Siarkowski W. Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1885. T. 9. S. 3–72.
- Strawińska Z. Wieś pałucka Ostatkowska Struga. Materiały etnograficzne. Toruń: MET, 1981. Cz. 3: Kultura duchowa. 92 s.
- Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1972. T. 5. 455 s.
- Traumbüchlein, Wie man nechtlicher Gesichten, Fürbildungen und Träumen, Bedeutungen erkennen und lernen mag, auß alten und neuen künstlichen Träumbüchern, fleissiglich in die kürße gezogen und gestellt. Nürnberg: Christof Lochner und Johann Hofmann, 1591. [28] Blätter.
- Udziela M. Przyczynki do medycyny ludowej // Lud. 1905. T. 11. Z. 4. S. 394–401.
- Vánoce. Ze zbírek zaslaných „Českému Lidu” // Český lid. Praha: F. Šimáček, 1892. R. 1. S. 399–414.
- Veckenstedt E. Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Graz: Verlag von Leuschner & Lubensky, 1880. 499 S.
- [Waldmann] Peter Waldmanns Traum-Buch. Nach Alphabetischer Ordnung. Neugedruckt. 4. [Leipzig, 1805].
- Wereńko F. Przyczynek do lecznictwa ludowego // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1896. T. 1. S. 99–228.

- Wierchowski Z.* Materijały etnograficzne z powiatu Tarnobrzieskiego i Niskiego w Galicyi // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1890. Т. 14. S. 145–211.
- Znamerowska-Prüfferowa M.* Przyczynek do magii i wierzeń rybaków // Prace i materiały etnograficzne. Lublin: Nakładem Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego, 1947. Т. 6. S. 1–37.

Библиография

- Белова О.В.* Молния // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 2004. Т. 3. С. 280–282.
- Белова О.В., Узенева Е.С.* Огонь // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 2004. Т. 3. С. 513–519.
- Восточнославянские этиологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Г.И. Кабаковой; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. М.: Неолит, 2019. 480 с.
- Гура А.В.* Война // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 1995. Т. 1. С. 407–408.
- Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
- Гура А.В., Узенева Е.С.* Петух // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 2009. Т. 4. С. 28–35.
- Ђорђевић Т.Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Београд: Научно дело, 1958. Књ. 2. 278 с. (Српски етнографски зборник. 1958. Књ. 72).
- Жукова Е.Ф.* Психоэмоциональное состояние человека в пословицах // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2013. № 72. Т. 1. С. 93–96.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 430 с.
- Левкиевская Е.Е.* Моча // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 2004. Т. 3. С. 309–311.
- Малахова С.А.* Семантическая структура концепта «стыд» в русском поэтическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. <<https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-struktura-kontsept-a-styd-v-russkom-poeticheskom-diskurse/viewer>>.
- [СМР] *Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.; Idem. 2. доп. изд. Београд: Интерпринт, 1998. 484 с.
- Толстая С.М.* Дождь // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 1999а. Т. 2. С. 106–111.

- Толстая С.М.* Засуха // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 1999б. Т. 2. С. 275–276.
- Толстая С.М.* Слезы // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 2012. Т. 5. С. 42–46.
- Топорков А.Л.* Любовная магия // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 2004. Т. 3. С. 154–158.
- Топорков А.Л.* Пьянство // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 2009. Т. 4. С. 377–382.
- Усачева В.В.* Дождь грибной // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отнош., 1999. Т. 2. С. 111–113.
- Фрейд З.* Толкование сновидений / Пер. с 3-го доп. немецкого изд. М.К. М.: Современные проблемы, 1913. 448 с.
- Фрейд З.* Толкование сновидений. Минск: Попурри, 2003. 576 с.
- Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 1996. 297 s.

Water and Fire in the Slavonic Symbolism of Dreams and the Symbolic Language of Culture

Aleksandr Gura

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
avgura@mail.ru

The analysis of oral folk interpretations of dreams and dream books lets us determine the range of symbolic meanings for each of the two elements—fire and water. This range represents a semantic paradigmatic structure—an area with a certain symbolism. In a certain sense it resembles what is called a lexical nest or a semantic field in linguistics. The interaction between the symbolism of fire and the symbolism of water is in their partial imposing on each other and is distributed crosswise: dreams about water can get fiery symbolism and vice versa, the three varieties of earthly, heavenly and human symbolism. For example, swamp may be dreamt of to tears and sunny weather; fish to tears, rain and fever; the sun to rain, clear weather and fire; flames and fire to rain and sunny weather. The balance of water and fire symbolism, their mutual influence (its interaction

with the symbolism of cold/hot) up to their unification, mixture, and neutralization is widely represented in a language and culture—in folklore texts, ritual and magical actions and beliefs, in an author's poetry, literature, fine arts and psychoanalysis. The mechanisms of such symbolic correlation and interaction are constantly reproduced. All this makes it possible to reveal universal cultural senses and highlight the peculiarities of the structure of the symbolic language of culture.

Keywords: dream interpretations, water, fire, symbol paradigms, semantic field, symbolic language of culture.

References

- Belova O. V., 'Molnija' [Lightning], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, vol. 3, pp. 280–282. (In Russian).
- Belova O. V., Uzeneva E. S., 'Ogon' [Fire], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, vol. 3, pp. 513–519. (In Russian).
- Đorđević T. R., *Priroda u verovanju i predanju našega naroda* [Nature in the Belief and Tradition of Our People]. Belgrade: Naučno delo, 1958, vol. 2, 278 ss. (Srpski etnografski zbornik, 1958, vol. 72). (In Serbian).
- Gura A. V., *Brak i svadba v slavyanskoy narodnoy culture. Semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture. Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik, 2012, 936 pp. (In Russian).
- Gura A. V., *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik, 1997, 912 pp. (In Russian).
- Gura A. V., 'Voyna' [War], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, vol. 1, pp. 407–408. (In Russian).
- Gura A. V., Uzeneva E. S., 'Petukh' [Cock], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, vol. 4, pp. 28–35. (In Russian).
- Freud S., *Die Traumdeutung*. Leipzig; Vienna: Franz Deuticke, 1899/1900, 386 SS.
- Kabakova G. I. (ed.), Belova O. V., Gura A. V., Kabakova G. I., Tolstaya S. M. (comps.), *Vostochnoslavyanskije etiologicheskie skazki i legendy* [East Slavic Etiological Tales and Legends]: Encyclopedic dictionary. Moscow: Neolit, 2019, 480 pp. (In Russian).
- Kulišić Š., Petrović P. Ž., Pantelić N., *Srpski mitološki rečnik* [Serbian Mythological Dictionary]. Belgrade: Nolit, 1970, 328 ss. *Idem*, 2nd add. ed. Belgrade: Interprint, 1998, 484 ss. (In Serbian).
- Levkievskaya E. E., 'Mocha' [Urine], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, vol. 3, pp. 309–311. (In Russian).
- Malakhova S. A., 'Semanticheskaya struktura kontsepta "styd" v russkom poeticheskom diskurse' [The Semantic Structure of the Concept "Shame"

- in Russian Poetic Discourse], *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, series 2: *Filologiya i iskusstvovedenie*, 2008. <<https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-struktura-kontsepta-styd-v-russkom-poeticheskom-diskurse/viewer>>. (In Russian).
- Niebrzegowska S., *Polski sennik ludowy*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 1996, 297 ss.
- Tolstaya S. M., 'Dozhd' [Rain], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2, pp. 106–111. (In Russian).
- Tolstaya S. M., 'Slezy' [Tears], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012, vol. 5, pp. 42–46. (In Russian).
- Tolstaya S. M., 'Zasukha' [Drought], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2, pp. 275–276. (In Russian).
- Toporkov A. L., 'Lyubovnaya magiya' [Love Magic], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, vol. 3, pp. 154–158. (In Russian).
- Toporkov A. L., 'Pyanstvo' [Drunkenness], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, vol. 4, pp. 377–382. (In Russian).
- Usacheva V. V., 'Dozhd gribnoy' [Rain by the Light of the Sun], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2, pp. 111–113. (In Russian).
- Zelenin D. K., *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smertyu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian Mythology: Those who Died an Unnatural Death and Rusalki]. Moscow: Indrik, 1995, 430 pp. (In Russian).
- Zhukova E. F., 'Psikhoemotsionalnoe sostoyanie cheloveka v poslovitsakh' [The Psycho-emotional State of a Person in Proverbs], *Vestnik Novgorodskogo gos. Universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, 2013, no. 72, vol. 1, pp. 93–96. (In Russian).

Иллюстрации к статье Александра Гуры

Ил. 1. Огненная река, в которую ангелы низвергают грешников. Фреска из сербского монастыря Грачаница (Косово). Ок. 1321 г.

Ил. 2. Альбрехт Дюрер (1471–1528). Бегство Лота с дочерьми из Содомы. 1496 г.

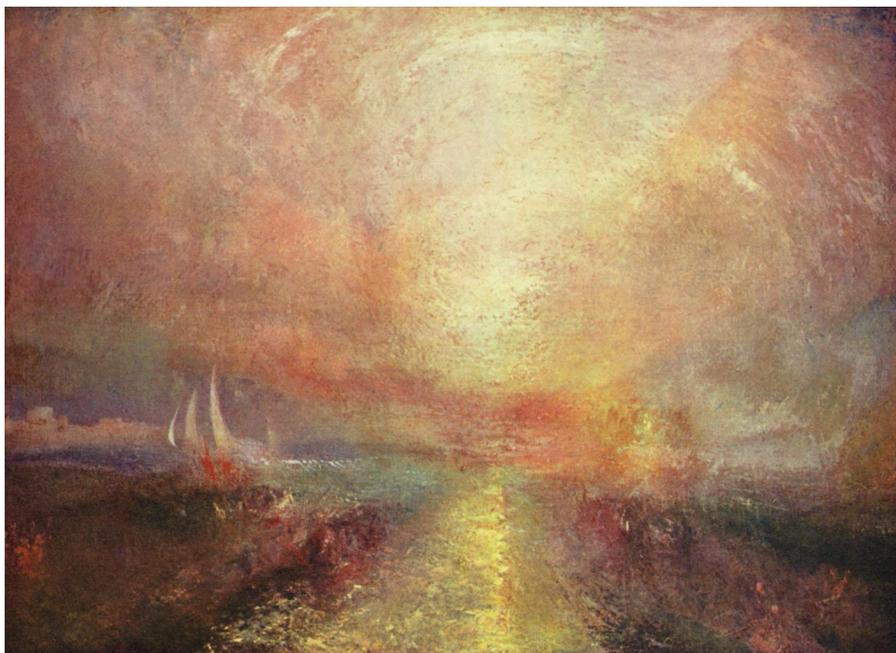
Ил. 3. Джон Мартин (1789–1854). Уничтожение Содома и Гоморры. 1852 г.

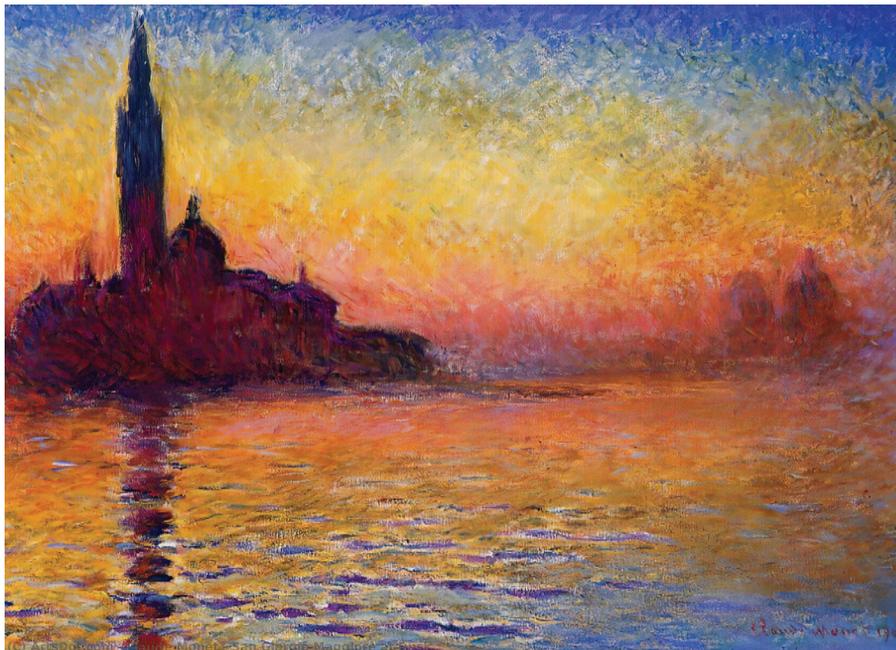
Ил. 4. Джованни Браголин (Бруно Амадио, 1911–1981).
Портрет из серии изображений плачущих детей

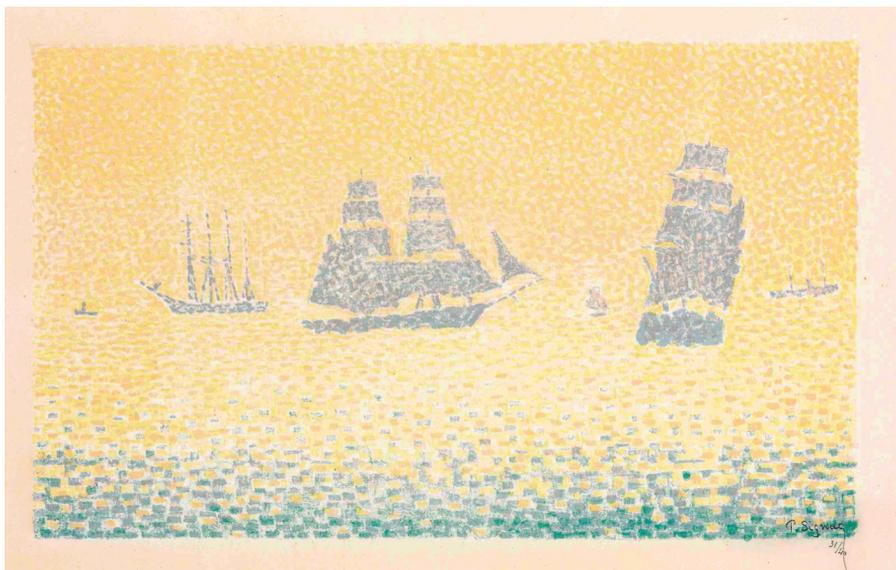
Ил. 5. Уильям Тернер (1775–1851). Извержение Везувия. 1817 г.

Ил. 6. Уильям Тернер (1775–1851). Яхта приближается к берегу. 1840-е гг.

Ил. 7. Клод Моне (1840–1926). Сан-Джорджо Маджоре в сумерках. 1908 г.

Ил. 8. Поль Синьяк (1863–1935). Парусники. 1895 г.